

«Я ЛИРУ ПОСВЯТИЛ НАРОДУ СВОЕМУ...»

К 200-ЛЕТИЮ РУССКОГО ПОЭТА НЕКРАСОВА (1821–2021)

Любой писатель и поэт, причисленный к сонму классиков отечественной литературы, неизбежно обращается в памятник. Да, конечно, мы читаем их творения в учебниках, заучиваем наизусть — но почти всегда «бронзы многопудье» уже давно похоронило под собой память живую.

Но давайте всё-таки попробуем увидеть Николая Алексеевича Некрасова человеком живым — безмерно талантливым и противоречивым?!

Как ни странно, начать лучше с его похорон. В заледеневшем от жуткого мороза Петербурге 30 декабря 1877-го в последний путь Некрасова сопровождала процессия в 6000 человек, всю дорогу гроб несли на руках, и люди просто не пустили за кладбищенскую ограду жандармов и полицию. Тогда над забросанной цветами разверстой могилой Достоевский сказал, что Некрасов должен стоять след за Пушкиным и Лермонтовым. И в повисшей тишине одинокий крик: «Он выше их!» А следом, из группы гимназистов и студентов, принесших траурный венок «От социалистов», новые голоса: «Да, да, выше, выше! Они только байронисты!»

При жизни Некрасовым восхищались — но и проклинали его, и спорили о нем ожесточенно. После смерти спорили ожесточенней и дольше: марксисты отмечали его «революционизирующую функцию», Ленин называл «старым русским демократом», французский литературовед провозгласил Некрасова предшественником Шарля Бодлера. Его жизнь могла бы стать сюжетом авантюрного сериала (адреналин, азарт во всем!). А еще были карточные игры — где Некрасов холодно и трезво выигрывал у министров и генералов тысячные суммы, пуская их затем на издание журналов. И был 23-летний Лев Толстой, робко пославший первую повесть «Детство» именно в некрасовский «Современник» — с приложением денег на возврат рукописи. И была — якобы! — несметная сумма в полмиллиона, оставленная в наследство «нигилистам» и страшно подумать, для чего послужившая. И предсмертное венчание с деревенской девушкой. И еще завещание — местом погребения он определил себе аристократическое кладбище при Воскресенском Новодевичьем монастыре, а не Литераторские мостки Волковского кладбища, где лежал бы «со своими»; демократ Некрасов в последний раз уступил Некрасову-барину.

Литературное наследие Некрасова неколебимо занимает место на полках с классикой и в учебниках. «Кому на Руси жить хорошо», «Железная дорога», «Размышления у парадного подъезда» — лишь начало списка. А всего 16 поэм, два романа, более 20 повестей и рассказов, шесть пьес, сотни стихотворений. Поэт впитал богатства народной речи, стал новым художником русского слова...

Но личность такого масштаба не получится загнать в рамки короткой статьи. Трагическая страсть отца и деда к карточным играм, тяжелая участь горячо любимой матери и полный разрыв с отцом, когда 17-летний Некрасов отказался от военной карьеры и поступил вольнослушателем в Петербургский университет на факультет филологии. Много позже Достоевский скажет о Некрасове: «Раненое в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь».

И наконец, издание в 1840-м первой книги поэзии «Мечты и звуки»; успеха книга не имела, Некрасов сам скупил весь тираж и сжег. И стал пробовать себя в прозе; герои его произведений —

молодые разночинцы, оголодавшие поэты, бедные девушки и нуждающиеся чиновники.

Затем работа в журнале «Отечественные записки», издательская деятельность: выпуск альманахов с участием известных писателей — без выплаты им гонораров. Подарить рассказ, повесть или стихотворение начинающему издателю соглашались многие.

А в 1847 году Некрасов взял в аренду журнал «Современник», основанный еще Пушкиным. Читал для каждого номера по 12 000 страниц рукописей! Через его «Современник» признание и славу нашли Тургенев и Гончаров, Герцен и Огарев, Достоевский, Толстой. И всегда это была литература свободомыслия.

Но когда в 1866-м после покушения на Александра II над «Современником» окончательно сгустились тучи, Некрасов сам нанес непоправимый ущерб своей репутации. На обеде в Английском клубе он прочитал хвалебную оду генералу Муравьеву — председателю комиссии по делу о покушении на императора, призвав к расправе над всем революционным. От Муравьева Некрасов не добился ничего, кроме презрительного взгляда и совета не печатать эти стихи, а журнал все равно закрыли. Некрасов впоследствии не отрицал подлости этого поступка, но отвергал право судить себя, адресуя упрек всему обществу: «Да, я подлец, но и вы подлецы. Оттого я подлец, что я ваше порождение, ваша кровь. Вашего суда я не признаю, вы такие же подсудимые, как и я».

Все же творчество Некрасова 1870-х переполнено революционностью. Да, он осторожничал, опасаясь цензурных гонений. Но именно тогда была завершена эпическая поэма «Кому на Руси жить хорошо» с главным ее вопросом: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»

Жизнь и творчество катились к закату. В начале 1875 года Некрасов неизлечимо заболел — и оставшееся ему время превратилось в медленную агонию, тем более страшную, что от обезболивающих средств поэт отказался.

Цикл «Последние песни» — печальный и невероятно искренний — был опубликован в январе 1877 года и вызвал бурю откликов. Уже в начале февраля представители студенчества вручили поэту обращение, под которым подписались 395 человек. Завершалось оно словами: «Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья. Знай же, что ты не одинок, что взлеет и взрастит семена эти всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская». Слова эти почти целиком увековечены золотом на граните надгробного памятника Некрасову.

Олег Пуля

Некрасов в период «Последних песен» (Иван Крамской, 1877–1878)